

НАША СТРАНА

Год издания 76-й. Буэнос Айрес, 21 декабря 2023

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 21 de diciembre de 2023

No 3212

ЛЮДОЕДЫ В АРМИИ ПУТИНА

Ради участия в войне на Украине путинские власти освободили из тюремной колонии Дениса Горина, каннибала из Сахалинской области, отсидевшего уже второй срок за убийство и глумление над трупом – он съел ногу одной из своих жертв.

В 2012 году он получил 22 года колонии строгого режима, но в этом году в его социальных сетях появились свежие фото в военной форме. На форме людоеда видна нашивка "Зачебурашим" и георгиевская лента. Как говорил представитель Путина Песков, он кровью искупил вину. Вопрос только, чьей кровью.

Длинный список убийц и маньяков, получающих помилование за готовность убивать ещё и на Украине, постоянно пополняется: таким же образом досрочно вышел на свободу сатанист Николай Оглобляк, приговоренный в 2010 году к 20 годам колонии за ритуальные убийства. Не успело общество отойти от шока после информации о помиловании убийцы Веры Пехтелевой Канюса, который убивал ее несколько часов, нанеся 111 ран, как Путин помиловал сатаниста и каннибала Оглобляку, который сидел за убийство и расчленение четырех подростков в 2008 году. Каннибал повоевал на Украине, получил ранение, и был выпущен на свободу.

Напомним, что глава Московской Патриархии Кирилл Гундяев всё это поддерживает и благословляет.

Итак в двух регионах – в Ярославле и на Сахалине – выпустили двух людоедов из тюрьмы, чтобы пошли защищать Владимира Путина. Оба помилованы главным людоедом. Происходит полное растление огромной страны.

Вообще-то преступники находятся всего полгода на фронте – в отличие от контрактников и мобилизованных. Им платят деньги, через полгода снимают все судимости, и отпускают на все четыре стороны. Считают их "социально близкими".

И они многообразные: освободились, снова залетели, из тюрьмы снова пошли на фронт, и так без конца до конца. Самое главное – они сейчас живые возвращаются. На фронте давно нет таких боев, как под Бахмутом. А маньяки и убийцы жизнь с чистого листа не начнут – это уж совершенно точно.

Можно встретить раскаявшихся воров, случается такое – работает скромно где смог устроиться. Раскаявшихся бандитов, быто-

вых и даже заказных убийц. Иные преступники страдают, уходят в монастыри, пишут покаянные письма родственникам убитых, и ждут, от них хоть какого-то ответа.

Однако раскаявшихся убийц, что резали людей во имя какого-то чёрта, ели человеческую плоть или испытывающих вину насильников встретить невозможно. Преступление из корысти, для пропитания, или в аффекте – это временное состояние психики, человек потом в них сомневается. Людоедство же, равно как и насилие сексуальное – это порожденные состояния стабильного и тотального, раскаяния и сомнений оно влечь не может.

Не может быть изнасилования в состоянии аффекта.

Невозможно во временно болезненном состоянии сделать тушенку из соседа и кормить ею собутыльников. Они так живут, будут жить как жили и после помилования.

Интересно, что думают об этой практике те, кто приложил немалые усилия, чтобы изолировать людоедов от общества, Люди сработали по закону и совести, соблюли свой общественный и нравственный долг, закрыли чудовище за решетку.

И помимо них ещё, разумеется, работали судебно-медицинские эксперты, криминалисты, какой-нибудь участковый, который всё обнаружил и прочие участники этой сложной машины.

А потом от главного чеккиста Путина приходит помилование. Впрочем это не столь удивительно. Людоед людоеда видит издали. У них корпоративное братство.

Что в такой ситуации думают и чувствуют следователь, прокурор, криминалист, эксперт и иже с ними? Осуждённые за бесчеловечные убийства оказываются на воле, в то время как в тюрьмы попадают люди невинные или за совершение куда менее опасных преступлений. И абсолютно всем, включая органы власти, совершенно очевидно, что этих людей никто и ничто не остановит от возврата к чудовищным деяниям. Человек, хладнокровно убивавший людей в свое удовольствие, не исправится и не будет дальше цветы на даче выращивать и бабочек коллекционировать.

Однако за разговоры о том, кто в Российской Федерации нынче становятся героями, путинское государство наверняка будет наказывать по всей строгости.

Николай Греков

ВЕРХОМ НА ТИГРЕ

«Верхом на тигре» – это естественно, метафора. Она означает путь, избранный политическим деятелем.

Есть китайская пословица, которую можно перевести приблизительно так: «Тот, кто едет на тигре, соскочит с него не может». Этот выбор сделал Путин в начале третьего президентства.

Сначала эта езда была очень приятной. Казалось бы, этот тигр шёл в нужном направлении для Путина, но потом он стал самодовлеющим, всё более и более ограничивающим его выбор. В итоге сойти с этого тигра нельзя, он может вас и сожрать.

Оседлав этого тигра, создав из Российской Федерации лагерь военизированного антизападничества, он привёл к войне практически неизбежно. Постепенно из седока он превращается в жертву. У него нет выхода.

Как говорил Ленин, главный вопрос – это вопрос власти. Подходя к третьему сроку, в 2011–12 году, Путин понял, что в роли полупрогрессивного относительно мягкого авторитарного лидера он себе не обеспечит пожизненное президентство. Без какой-то воинственной и ярко выраженной антизападной идеологии он не сможет продержаться. Учитывая то, что происходило с экономикой, он не сможет стать пожизненным президентом.

Путь Путина – это знакомый путь многих диктаторов. Они ведь тоже начинали как относительно мягкие прогрессисты. Тут и Кастро, тут и Насер, тут даже Саддам Хусейн, Уго Чавес. Они все начинали более или менее демократически, более или менее борцами с коррупцией, более или менее народными лидерами и в общем-то открытыми западному миру.

Однако в итоге они упираются в ту же стену: я у власти не удержусь, потому что люди хотят переизбрать лидеров, люди хотят смены элит. Если я хочу быть пожизненным лидером, я должен буду превратить страну в осажденную крепость, себя – в защитника народа, начать пропитку общественного мнения этим токсическим ядом осажденной крепости и окружения врагами.

Уже давно Путин стал диктатором. Надо учитывать безумные тюремные сроки, которые подполковник КГБ даёт своим оппонентам – 19 лет Навальному, 24 года Кара-Мурзе, за репост дают 10 лет тюрьмы.

Во второй половине 1970-

х годов не было такого, подобные сроки давались лишь за измену, шпионаж. Таких сталинских сроков – 19 лет, 24 года не было.

Ясно, что здесь произошла метаморфоза, путинский режим стал военной диктатурой полусталинского типа.

Война на Украине – не результат какой-то мифической угрозы со стороны НАТО или украинских нацистов, а это сознательное решение Владимира Путина, которое вытекает из сути режима.

На Украину Путин вторгся не потому, что Украина что-то сделала или сделает, а потому что это была экзистенциальная угроза. Ведь Украина, открытая миру, идущая на Запад, учитывая этническую, историческую близость этих народов, опасна. В сравнении познаётся истина.

Путин не мог этого допустить, чтобы русские начали спрашивать: смотрите, мы в осажденной крепости, а кузены наши, двоюродные братья наши разъезжают по Европе, у них свобода, они переизбирают регулярно своих руководителей, у них лучше живётся материально.

Если посмотреть на устои путинского режима, Украина была экзистенциальным примером отказа от главных элементов путинского неосоветского режима, – отсюда эта война. Сии решения идти на войну вытекают из технологий власти, желания сохранить тот неосоветский режим, который был создан.

Я не говорю, что Владимир Путин обязательно пойдёт на глобальную ядерную войну, но его замысел как победить НАТО, как проучить НАТО, базируется на понятии того, что если конфронтация дойдёт до риска разрушения Северных Штатов Америки и Западной Европы ядерным оружием, то НАТО отступит, согласится на какое-то урегулирование на Украине.

Путиным движут в отношении Украины три его надежды.

Первая: он сотрёт в порошок Украину. Вторая: общество и экономика Российской Федерации смогут выдержать ещё несколько лет такой войны. И третья, мне кажется, самая для него реальная – это то, что Запад, как говорят, устанет от Украины.

Но если какой-то один из этих моментов не будет отвечать его надеждам, то я, честно говоря, не знаю, как он сможет выйти из этой трясины без какой-то очень рискованной эскалации. Вплоть до ядерной.

Ф. Сергеев

ПОДЛЕЦ-ПРОПАГАНДИСТ И ЖЕРТВЕННЫЙ ДУРАЧОК

Известна ленинская фраза «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России». Разумеется, слова Ленина наводят адекватного читателя на мысль о гнилости самого Ленина, но бытующие в нашем несчастном отечестве либеральные и совковые интерпретации Крымской войны ничуть не лучше коммунистических.

А вот в стандартных западных источниках, касающихся Крымской войны говорится: «Мир был заключён в результате исчерпанности сил обеих сторон при сохранении их чести». Данную формулировку можно встретить в «Харперской Энциклопедии Военной Истории» под редакцией Дюпуи и Дюпуи. Это оценка, преобладающая во всей мировой литературе. Кроме советской, разумеется. Для советских почти любая война, которую вели русские - это катастрофическое и позорное поражение, показавшее гнилость России. Советские патриоты дальше ведут свой бесконечный бой с реальностью и не оставляют без внимания ни одного текста о Российской Империи.

Примеры риторики сих совков: «позорно проигранная война», «шакальское нападение отряда русских броненосных крейсеров на безоружные транспорты», «русские как-бы-военные как-бы-моряки», «русские недоброненосцы», «хрустобулочная мифология», «патриотизмЪЪЪ». И они часто переводят разговор с Крымской войны на Русско-Японскую - «Царская Россия была позорнейше, всухую, разбита» и далее по всей программе. И ведь нельзя сказать, что они подражают японским военным пропагандистам. Японцы себя так не вели и не ведут. Посмотрите японские фильмы о войне с Россией - они преисполнены уважения к противнику. Это советского человека плющит от русских.

Красноречивая деталь: когда речь заходит о русских на войне, они берут слово «наши» в кавычки.

Собственные поражения могут быть масштабными, тяжёлыми, катастрофическими, но они никогда не бывают позорными. Если нация проигрывает, в её памяти остаются беззаветное мужество и беспримерные подвиги павших героев. Об их деяниях слагают песни. Как например о подвиге крейсеров «Рюрик» и «Варяг».

Из таких примеров складываются мироощущение и самоидентификация индивида. Рождение

или жизнь в СССР, наличие советского образования или обладание советским паспортом сами по себе никого не делали советским человеком. Советский - это в первую очередь антирусский. Разумеется, не в этническом, а в культурно-политическом смысле.

Первым советским человеком являлся Александр Иванович Герцен. Ленин приписал «пробуждение Герцена» декабристам, которые были совершенно ни при чём; но на самом Герцене действительно начинается советская история. В принципе, можно определить даже точную дату, когда Герцен перестал быть русским и стал советским.

Для этого нужно покопаться в подшивках вышедшего в Лондоне журнала «Колокол» и найти там первую статью в поддержку польского восстания. Это и будет день явления миру советской идеологии (с коммунистической она пересекается лишь отчасти).

Например, у Герцена была статья, называвшаяся «Vivat Polonia!». Она вышла в свет 15 марта 1861 года (то есть ещё до начала восстания) и была посвящена поступку одного русского офицера, отказавшегося стрелять в польских демонстрантов. Основной её мыслью был обращённый к русским призыв: «...идите в арестантские роты, в крепости, казематы, на смерть - только не убивайте ни поляка, который хочет быть самим собой, ни крестьянина, требующего свободы.»

Сама по себе измена родине вещь вполне тривиальная. Однако Герцен возвёл борьбу на стороне противника России в идеологический принцип. Дальше пропаганда в пользу Польши пошла в «Колоколе» косяком.

Статья «Русским офицерам в Польше» (15 октября 1862 года): «Поддерживать силою оружия правительство, составляющее польское и наше несчастье, вам невозможно, не совершив сознательно преступления или не унижившись до степени бесконсознательных палачей. Время слепого повиновения прошло. Дисциплина не обязательна там, где она зовет на злодейство. Не поднимать оружия против поляков заставляет вас совесть, уважение к правоте их дела, к достоинству человека и, наконец, уважение к нашему русскому земскому делу. Нельзя начинать эру свободы в своей родине, затягивая веревку на шею соседа;

нельзя себе требовать прав и теснить во имя материальной силы и политических фантазий другой народ.» Статья «Письмо к Гарибальди» (21 ноября 1863 года): «Когда благородное меньшинство русских офицеров обратилось к нам за советом, что им лучше делать в случае польского восстания, мы, не обинуясь, сказали им, что лучше оставить ряды, перейти в противный стан, быть убитым, чем сражаться против Польши, которая для нас имеет больше чем историческое право, больше чем право героизма, - право на наше искупление.»

На этом карьера Герцена, как русского публициста, завершилась. Измена родине есть измена родине. Тираж «Колокола» упал практически до нуля, и для русских Герцен просто перестал существовать, перейдя в сонм советских героев.

Однако несколько человек всё же увлеклись его демагогией.

Среди них был подпоручик 15-го пехотного Шлиссельбургского полка Андрей Афанасьевич Потемня. Он происходил из Полтавской губернии, был близок к «Земле и Воле», ездил к Герцену в Лондон и входил в руководство революционного «комитета русских офицеров в Польше». В руководстве комитета преобладали поляки, и их мотивы были понятны, но Потемня явно собирался сражаться не за своё дело. 15 июня 1862 года в Саксонском саду в Варшаве 24-летний подпоручик Потемня совершил покушение на 72-летнего генерала Лидерса, русского наместника в Царстве Польском.

Александр Николаевич Лидерс принимал участие во всех войнах, которые вела Россия с 1806 по 1856 год, и перечисление его наград непомерно удлинит этот текст.

Строго говоря, интриги польского лобби в Петербурге привели к отставке фон Лидерса ещё 27 мая (с одновременным возведением его в графское достоинство), но поляки считали, что харизматичный старший генерал опасен для них, даже когда он не занимает никаких постов.

Потемня выстрелил в графа Лидерса со спины, попал в шею, старик выкрикнул: «Подлец стреляет сзади!» и пешком вернулся во дворец. Он умер своей смертью в Одессе двенадцать лет спустя.

Потемня перешёл на нелегальное положение, а после начала восстания присоединился к мятежникам и в марте 1863 года погиб в бою с русскими войсками

(украинские авторы пишут, что он сражался по-пейзански, с косой в руках, хотя в реальности повстанцы были неплохо вооружены). Неизвестно, в какую Вальгаллу попал этот воин - в украинскую, где пируют салом степные лыцари, или в советскую, где вкушают колбасу строители светлого будущего. Однако заповедь Герцена - «перейти в противный стан и быть убитым» Потемня исполнил полностью. И Герцен отреагировал на его смерть восторженно: «Чище, самоотверженнее, преданнее жертвы очищения Россия не могла принести на пылающем алтаре польского освобождения».

В архетипичных фигурах Герцена и Потемни воплотились слагаемые советской нации - подлец-пропагандист и распропагандированный им жертвенный дурачок.

Покушение на Лидерса - один из тех как убийство героя Отечественной войны 1812 года Милорадовича декабристом Каховским, другим святым советского пантеона.

Милорадович тоже честно провёл несколько успешных для России войн, Каховский же в Отечественной войне не участвовал вовсе. И застрелил Милорадовича тоже в спину.

Во время Второй Мировой войны в честь Каховского назовут переулок в Ленинграде. В честь Милорадовича никаких улиц не переименовывалось, но в 2015 году был установлен первый в России памятник ему - тоже в Петербурге.

В 1903 году в известном журнале «Освобождение», основанном П. Б. Струве, безо всякого ложного стыда печаталось буквально следующее: «Мы не принадлежим к числу людей, из лицемерия или недомыслия клеймящих событие 1-го марта и позорящих его виновников. Мы не боимся открыто сказать то, что втайне известно всей искренней и мыслящей России, а именно, что деятели 1-го марта принадлежат к лучшим русским людям».

1 марта - это дата убийства Игнатием Гриневицким Царя Александра II Освободителя, казака-конвойца Александра Малевича и 14-летнего крестьянина Николая Захарова.

В 1975 году в честь Гриневицкого был назван тот самый мост в Ленинграде, где был устроен этот террористический акт (ныне - Ново-Конюшенный).

Позже П. Б. Струве сменил вехи и раскаивался в своих грехах.

Б. Моравин

ОБЪЕДИНЁННЫЕ НАЦИИ ПРОТИВ ОДИНОЧКИ

Одним из первых деяний «Организацией Объединённых Наций» стало официальное обвинение франкистской Испании в том, что она, укрывая у себя Леона Дегреля, «угрожает безопасности держав-победительниц». Вдумаемся...

Солидная и почтенная всемирная организация посчитала, что фигура всего лишь одного простого бельгийского католика и монархиста, издателя консервативно-католического журнала «Christus Rex», ученика видного французского поэта и публициста Шарля Моррасса, не совершавшего никаких преступлений против человечества», угрожает... безопасности послевоенно-

го мира, оккупированного оными «державами».

Почётно быть «угрозой» таковому «миру» в одиночку, что же... Даже герои эпоса Гомера не удостоивались такой чести.

Действительно, приятно насколько они боялись героев старого порядка, даже немощных изгнанников, которым они отказывали в гласном Суде.

Леон Дегрель после войны выразил готовность вернуться в Бельгию, если ему будет предоставлена возможность свободно защищать себя, если судебный процесс будет проводиться открыто и транслироваться по радио. Он обращался к правительству

Бельгии с этим предложением 12 (!) раз. Однако бельгийское правительство ответило на все предложения Дегреля отказом, оставив в силе вынесенный ему заочно смертный приговор.

То есть ООН осуждала Испанию за то, что она... отказывается выдать человека для внесудебной расправы. Какая чудесная организация, право, эта ваша «ООН».

P.S. А ведь у вынесших то решение членов Генеральной Ассамблеи ООН наверняка есть дети...и внуки. Которые, когда придёт время, ответят за злодеяния отцов. Хотя бы через публикацию позорного поименного состава проголосовавших за

ту резолюцию родителей.

Уже сейчас все данные на преступников нового миропорядка хорошо бы систематизировать и собирать. Пригодятся, когда придёт срок.

А. Рейнеке

Новая цена
годовой
подписки
на
"Нашу Страну"
в Аргентине -
6000 песо

НЕЗАУРЯДНЫЕ СОТРУДНИКИ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР, ЦАРСКИЙ МСТИТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ

К 75-летию газеты

"Старый Кирибей"

Имя Петра Николаевича Щабельского-Борка известно разве что немногим русским патриотам и профессиональным историкам. Да и то, когда дело доходит до вопроса о его более или менее подробной биографии многие из них теряются, приводя, как правило, лишь один из эпизодов его непростой жизни — покушение на бывшего лидера лево-либеральной "кадетской" партии П. Н. Миллюкова, которое повлекло за собой смерть другого кадета и масона В. Д. Набокова, — отца известного русско-американского писателя, автора "Лолиты". Между тем, судьба этого человека, безусловно, заслуживает того, чтобы попытаться в ней разобраться.

Пётр Николаевич Попов (такова его настоящая фамилия) родился 5 мая 1893 года в дворянской семье в Кисловодске. К сожалению, никаких сведений о его родителях до нас не дошло, зато известно имя его крестной матери. Ею стала видная деятельница монархического движения в России начала XX века Елизавета Александровна Щабельская-Борк (1855-1917), член Союза Русского Народа и авторша известных в своё время романов «Сатанисты XX века» и «Красное и Чёрное».

Нет более или менее подробных сведений и о ранних годах жизни самого Петра Николаевича. Известно лишь, что несмотря на свой достаточно молодой возраст (на момент революций 1917 года ему было 24 года), он успел побывать в рядах таких крупнейших организаций как Союз Русского Народа и Русский Народный Союз имени Михаила Архангела.

Разразившаяся Первая Мировая война застала П. Н. Попова студентом Харьковского университета, оставив который он добровольцем отправился на фронт. Попав в Кавказский кавалерийский полк так называемой «Дикой» (или «Туземной») Дивизии, вскоре был произведён в корнеты. 20-летнего офицера отличала храбрость, он не жалел себя в лихих кавалерийских атаках на вражеские позиции. В одной из таких атак Пётр Николаевич был тяжело ранен (прострелены лёгкие), но вскоре вновь вернулся в строй с Георгиевским крестом на груди, полученным «за личное мужество».

Во время отступления Русской Императорской Армии в 1915 году последовало новое ранение корнета Попова — на этот раз он был тяжело контужен и в течение восьми

месяцев пролежал в госпитале с парализованными ногами.

Как позже записал в своем дневнике другой офицер-монархист, Фёдор Викторович Винберг, «Пётр Николаевич Попов является типичным, лихим корнетом, храбрым, бывшим три раза раненым, участником нескольких славных атак доблестной Туземной Дивизии. Он обладает редко покладистым, мягким характером, но, вместе с тем, в стойкости своих монархических убеждений выказывает большую твердость и последовательность».

После февральских событий 1917 года, в связи с полным разложением армии, произошедшим вследствие печально известного «Приказа № 1», с разрешения командования Пётр Николаевич оставил военную службу и вернулся в Петроград. Как он описывал позже в одном из своих писем, оставление действующей армии сопровождалось следующим диалогом с непосредственным начальником П. Н. Попова:

«Я приехал к нему верхом: - Что Вы хотите мне сказать? - спросил он, когда мы остались наедине. - Вы верите в мою трусость? - задал вопрос я. - Абсолютно нет. - Тогда я уезжаю с фронта в тыл; там больше работы, а тут — уже всё кончено - Я Вас понимаю и не удерживаю, и желаю успеха».

При этом стоит отметить, что как и некоторые другие офицеры-монархисты (например, тот же Винберг), корнет Попов отказался присягать Временному Правительству, не считая такой шаг приемлемым для своей совести даже несмотря на формальное отречение Императора от Престола. Свой уход из армии он позже охарактеризовал следующими словами: «... Действующей Армии я не покидал, - ушёл из бездействующей. Я воевал, пока все воевали; уговаривал, когда началось братание, и ушёл, когда кончили воевать, заявив, что немец-брат им милее русского».

В ноябре 1917 года, после раскрытия большевиками деятельности так называемой "монархической организации В. М. Пуришкевича", он был арестован вместе с Пуришкевичем, Винбергом, Н. О. Графом и рядом офицеров посещавших монархические собрания. Но в связи с полным отсутствием каких-либо доказательств в причастности корнета Попова к «монархическому заговору», а точнее монархическому кружку Пуришкевича, он был обвинен большевиками в дезертирстве.

Опоказательном судебном процессе, который устроили большевики над попавшими в их руки монархистами, Пётр Николаевич писал в частном письме следующее: «Отшумел наш процесс. Сидя на скамье подсудимых, я, нельзя сказать, чтобы чувствовал на себе пятно позора. Все мы держались с достоинством. Иначе, собственно говоря, и быть не могло. Нам первым выпало на долю в анархической России громко назваться монархистами. Нелепыми и жалкими казались нам истерические призывы наших обвинителей к самосуду».

Интересен и его отзыв о произнесённом на суде яркую трёхчасовую речь В. М. Пуришкевиче (по «делу» которого он собственно и проходил). «Порой мне кажется, - писал корнет Попов, - что Пуришкевича судили не за „правизну“, а за левизну. Речь его во время последнего слова была шедевром митингового ораторства, но местами мне не понравилась. — Мне было грустно, когда он завёл волюнку об Императрице Александре Федоровне и о Распутине. Какой это монархизм!»

Сам же Пётр Николаевич на суде ни отрёкшегося Государя, ни Императрицу, в отличие от Пуришкевича, не поносил. На вопрос судей считает ли он себя по-прежнему монархистом, ответил утвердительно, подчеркнув что является не просто монархистом, а монархистом убеждённым, верным раз данной присяге (Пуришкевич же, к примеру, демагогически называл себя на суде монархистом, но монархистом не имеющим никакого кандидата на Престол, - и это тогда, когда Император Николай II вместе со своей семьёй были ещё живы!).

«На суде он держался превосходно, - писал о П. Н. Попове Ф. В. Винберг. - Я к нему питаю особенно нежные чувства, так как, по особенностям склада ума и души моего корнетика, мне, старому кавалеристу, он представляется особенно близким и родным».

Однако приговор Петроградского Революционного Трибунала от 3 января 1918 года был сравнительно мягким. Красный террор ещё не начался, и большевики ещё играли в гуманность и законность.

Решением сего Трибунала Петра Попова приговорили к принудительным общественным работам сроком на девять месяцев и определили местом заключения Трубецкой бастии Петропавловской крепости, позже переведя его в «Кресты».

Здесь судьба свела его с гвардейским полковником и убеждённым монархистом Ф. В. Винбергом, близость с которым он сохранил до конца жизни последнего.

В мае 1918 года вместе с другими участниками организации Пуришкевича Попов был освобождён по случаю дня «международной пролетарской солидарности» (большевицкий декрет об амнистии всех арестованных и осужденных за политические преступления).

После амнистии он участвовал в Белом Движении на Украине, причём состоял членом тайной монархической организации бывшего лидера Союза Русского Народа и депутата правой фракции III и IV Государственных Дум Николай Евгеньевича Маркова.

Являясь уполномоченным именно этой организации он принимал участие в неудавшейся попытке освобождения Царской Семьи из екатеринбургского заточения.

Когда же все попытки спасти Государя и его Семью обернулись крахом злодеяние было совершено, как вспоминал генерал М. К. Дитерихс, в сентябре 1918 года Пётр Николаевич, именовавший себя уже Поповым-Щабельским, прибыл в Екатеринбург, проводя самостоятельное расследование обстоятельств гибели Царственной Семьи.

«В сентябре 1918 года в Екатеринбурге, не служа

в частях нашей армии, проживал именованный себя корнетом Пётр Николаевич Попов-Щабельский. Он говорил, что приехал в Екатеринбург по поручению Высоких Особ, и в чём именно заключалось его поручение, он не высказывал. Рассказывал также, между прочим, что был вместе с полковником Винбергом, автором записок „контрреволюционера“, участником процесса Пуришкевича. Он очень интересовался Царским делом, говорил со многими, расспрашивал всех, посещал исторические места и хотя говорил, что ему тяжело верить в убийство Августейшей Семьи, но тем не менее там, в Екатеринбурге, утверждал, что в факте её убийства он не сомневается. В конце сентября он исчез из Екатеринбурга», — отмечал позже генерал Дитерихс в своей книге «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале».

В конце 1918 г., после того как Киев был взят войсками Петлюры, Попов-Щабельский вместе с Винбергом, воспользовавшись предложением эвакуирующихся немецких войск присоединиться к ним, выехал в Германию. Позже, в некоторых газетах отмечалось, что в годы революции и гражданской войны Пётр Николаевич потерял невесту.

С 1918 по 1920 годы он проживал в Берлине, а затем в Мюнхене, зарабатывая себе на жизнь переводами и литературной работой.

Совместно с Винбергом и своим другом Сергеем Таборицким он редактировал монархический литературно-политический журнал «Луч Света», принимал участие в издании газеты «Призыв», печатался в журнале русских монархистов «Двуглавый Орёл».

Во многом именно благодаря его трудам и хлопотам увидела свет известная всем историком Русского Флота начала XX века книга «На Новике», написанная офицером этого корабля (а в будущем видным деятелем легитимно-монархического движения) Г. К. Графом. Узнав Петра Николаевича только в эмиграции, Граф в своих воспоминаниях охарактеризовал его как «человека очень религиозного, но и не без странностей».

При этом, как отмечал другой его современник, «наряду с небольшой дозой присущего ему чудачества, он владел завидным даром беззавистной радости чужому успеху. Никто так не сиял и не ходил таким именником, как Старый Кирибей (литературный псевдоним Попова-Щабельского), когда становились известными удача и успехи его знакомых и близких...».

Под фамилией своей крестной матери Щабельской-Борк, а также под псевдонимом Старый Кирибей, он публикует свои статьи и стихотворения в 1919 - начале 1920-х. В это время из-под пера Щабельского выходят такие произведения как «Большевицкие эскизы» (Луч Света. Берлин, 1919. Кн. 1), «Россия жива» (Там же), «Памяти Н. Н. Родзевича» (Там же. Кн. 2), «Грядущее возрождение» (Там же. Берлин, 1920. Кн. 3) и другие.

Но литературная и издательская деятельность П. Н. Щабельского-Борка вскоре прервалась. Совместно со своим другом-сослуживцем

по Дикой Дивизии С. В. Таборицкий 28 марта 1922 года он, видимо с «благословения» Ф. В. Винберга решил совершить покушение на бывшего лидера «кадетской» партии П. Н. Милокова, которого многие монархисты считали одним из основных виновников крушения Самодержавной России.

В этот день Милоков выступал в зале Берлинской Филармонии с докладом, приуроченным к пятой годовщине Февральской революции. По окончании лекции, когда Милоков направился к своему месту, неожиданно для всех, молодой человек (им был Щабельский) резко поднялся со своего места и с криком: «Месть за Царицу, месть за Царскую Семью!» (по другой версии: «Мщу за Царскую Семью и за Россию!»), пробираясь к сцене стал стрелять из револьвера. Прогрело пять или шесть револьверных выстрелов.

Послышались крики, многие попрыгали под кресла. И тут другой бывший член кадетской партии В. Д. Набоков подбежал к Щабельскому и попытался выбить из его рук пистолет и задержать. На выручку Щабельскому бросился его друг Сергей Таборицкий, выпустивший в Набокова две пули, одна из которых попала ему под сердце. Набоков был убит, Милоков же несколько не пострадал...

При аресте Щабельский и Таборицкий не оказали никакого сопротивления полиции. Напротив, оставшись на месте преступления, они пытались объяснить свидетелям их неудавшегося в отношении Милокова террористического акта, причины, побудившие их пойти на этот поступок. Как показывал на допросе сам Щабельский, он уже изначально предполагал после убийства бросить оружие и добровольно сдать полиции.

Согласно обвинительному акту, инициатива покушения принадлежала Щабельскому, решившему убить Милокова после той подлой и лживой речи, которую этот масон произнёс с думской кафедры 1 ноября 1916 года. В ней, обрушившись на «тёмные силы» и приводя «факты» (позже оказавшиеся чистой воды ложью) глупости и измены правительства, Милоков также осмелился бездоказательно обвинить и Императрицу Александру Федоровну в государственной измене, заявив, что имеет документальное подтверждение своих слов. Глубоко преданный Престолу Щабельский, а тогда ещё корнет Попов, в 1917 году послал Милокову два письма с требованием обнародовать те документы, на которые он ссылался в ноябре 1916 г. Не получив никакого ответа, он решил отомстить лжецу.

На момент покушения Щабельскому было 28, а Таборицкому 26 лет.

Русская диаспора бурлила. Столпы либеральной эмиграции, творцы «Февраля 1917-го» — все, естественно, негодовали и требовали сурового наказания для монархистов, посягнувших на ветерана российского либерализма. Однако русские эмигранты никогда не забывали, кто верно служил Государю, а кто ковал крамолу в стенах Государственной Думы, разрушая Российскую Империю ради каких-то фантомов либерализма и собственных непомерных ам-

биций. Не удивительно, что покушение на Милокова и убийство Набокова были по-разному восприняты в кругах эмиграции.

«И вот теперь натравили двух изуверов на покушение, после которого моральная репутация русского правого монархизма может считаться мертвою не менее, а более, чем мертв пронзенный монархическими пулями В. Д. Набоков в своем кровавом мученическом гробу», — написал 12 апреля 1922 года известный либеральный публицист и масон Александр Амфитеатров.

А вот как реагировали на поступок Щабельского и Таборицкого монархисты: «Человек добрейшей души, умудрявшийся из своего скромного заработка откликаться на нужды и несчастья, где бы он их ни встречал, Пётр Николаевич умел гореть священной ненавистью в отношении поработителей нашей родины и ее предателей. Как известно, и в этой области он остался небездействителен и дорого заплатил за попытку убрать с жизненной арены презренного Милокова», — писал бывший депутат правой фракции IV Государственной Думы и член Союза Русского Народа Василий Николаевич Зверев.

Сергей Таборицкий в годы Второй Мировой войны

«Кроткий и незлобивый, П. Н. Щабельский-Борк горел священной ненавистью к врагам и предателям России. Пётр Николаевич решил отомстить Милокову, первому с трибуны Государственной Думы осмелившемуся бросить клевету против Государыни Императрицы Александры Федоровны. Своим выстрелом, мстя за поруганную отчизну, за цареубийство, за преступление революции, он вызвал искреннее восхищение в сердцах всех русских людей, верных престолу и отечеству», — отмечал известный эмигрантский монархический деятель Владимир Мержеевский.

Также считал и известный поэт-эмигрант Сергей Бехтеев посвятивший Щабельскому-Борку и Таборицкому стихотворение «Дорогим узникам», в котором были такие строки:

*Нет! Не убийцы вы!
Пусть суд ваш строг и гневен...
Возьмёшь грозное по совести
творя,
Вы мстили палачам за кровь
святых Царевен,
За смерть Царевича, Царицы
и Царя!*

Берлинский суд присяжных приговорил Щабельского-Борка и Таборицкого к 12-ти годам

заключения, но под давлением русских эмигрантов-монархистов, отсидев в тюрьме пять лет, 1 марта 1927 года Щабельский и Таборицкий были амнистированы.

Выйдя на свободу, Пётр Николаевич занялся литературным творчеством. Он пишет литературные сочинения, посвященные сюжетам русской истории. «Владея пером, широко-начитанный и образованный человек, он посвятил свои силы на собиранье и сохранение для потомства тех чёрт и чёрточек нашего былого, в которых ярко выявлялись лучшие качества русского человека — от Монарха до простолюдина; где сквозили черты нашего народного Гения; где проглядывали во всей непосредственности воззрения нашего народа на существо Власти и Её Носителей... В своих коротких рассказах, которым он любил придавать форму художественного лубка, Пётр Николаевич порой возвышался до подлинного пафоса, и лубки Старого Кирибей нередко вызвали благодатно-просветлённую слезу на глазах взволнованных читателей. К чему бы не прикоснулся Старый Кирибей — всё носит отпечаток великой любви к России, к Её Славе и прошлому», — писал В. Зверев.

Но излюбленной его темой становятся историко-художественные книги, посвященные Русским Монархам и, прежде всего, глубоко им почитаемому Императору Павлу I: «Вещи были о Святом Царе» (Берлин, 1938), «Павловский гобелен» (Сан-Паулу, 1955). Будучи страстным поклонником Государя Павла Петровича, П. Щабельский-Борк поставил себе задачей восстановить истинный облик Царя-Рыцаря, «оклеветанного современниками и историей». Еще в России он начал собирать материалы, относящиеся к эпохе царствования Императора Павла I. В условиях эмиграции он, по мере сил, продолжил свои исторические исследования, но вынужден был ограничиться заметками, статьями и небольшой брошюрой. «Однако, и этот скромный труд принес плод много, открыв большому, очень большому кругу русских людей глаза на образ Державного Страстотерпца, оклеветанного современниками и историей, и давно признанного русским народом Заступником безвинно-страдающих, обиженных и гонимых», — писал В. Зверев.

По словам В. Зверева, эта преданность памяти Царя Павла I встретила некий чудесный отклик со стороны последнего. В руках Щабельского «за время проживания его в Берлине, накопился богатый материал в виде книг, портретов, грамот, медалей, записок и всяких сувениров Павловской эпохи.

На приобретение подобного характера у Петра Николаевича средств не было. Вещи, как говорится, поступали сами собой, поступали отовсюду, по большей части от неизвестных. Приток таковых был особенно заметен к датам рождения, Тезоименитства и убийства Государя Павла Петровича. Явление это было настолько постоянным, что давало повод близким Петру Николаевичу людям (как например, генерал В. В. Бискупский, деливший с ним квартиру в Берлине) накануне таких дат загадывать — вспомнит ли

Государь Император своего верного паладина? К всеобщему удивлению ожидания обмануты не бывали».

Щабельский-Борк становится секретарём начальника Управления по Делах Русской Эмиграции в Берлине генерала В. В. Бискупского и заместителем председателя Русского Национального Союза Участников Войны генерала А. В. Туркула. Получив от германского правительства скромную пенсию, Пётр Николаевич продолжил занятия литературным трудом, публикуя в эмигрантских изданиях свои очерки и рассказы. Свои публикации, разбросанные по эмигрантским изданиям от Берлина до Харбина, он намеревался собрать и издать в виде отдельного сборника «Российские самоцветы», однако идею эту ему так и не удалось осуществить.

В годы Второй Мировой войны дом, в котором проживал Щабельский-Борк был разрушен налётом американской авиации, а сам он весной 1945 перебрался из Германии в Аргентину, обосновавшись в Буэнос Айресе, где продолжил свою литературную деятельность.

Он печатался в монархических и православных изданиях, в том числе в «Нашей Стране» Ивана Солоневича и во «Владимирском Вестнике» (г. Сан-Паулу) В. Д. Мержеевского. Скончался он 18 августа 1952 года в возрасте 59 лет в аргентинском санатории Sta. Maria от туберкулёза легких.

«Ушёл в лучший мир хороший, прекрасный человек... Человек великой скромности, бесребреник. Патриот великого сердца. Ушёл верный сын Императорской России и доблестный офицер Императорской Армии. Не гнавшийся за житейским благополучием, ничего для себя не искавший, почивший Пётр Николаевич жил исключительно интересами беззаветно им любимой родины и неразрывно связанной с её судьбами Династией. Чуждый тени каких-либо сделок с совестью, он до последнего вздоха исповедовал верность нашему, тысячелетним опытом проверенному лозунгу — за Веру, Царя и Отечество. Да будет ему легка далёкая, притютившая его земля. Да простит ему Господь его прегрешения вольные и невольные... Да примет в селения праведных и да пошлёт чистой душе его вечный покой... А за брэнностью жизни человеческой — долгую, долгую память среди знавших и любивших его», — писал в посвященном Щабельскому некрологе другой русский патриот Василий Зверев.

Рукопись своего последнего, доселе не изданного исторического романа, под названием "Алексей Шубин", Старый Кирибей завещал Редакции "Нашей Страны".

Е. Фокин

**НЕ ЗАБУДЬТЕ
ВОЗОБНОВИТЬ
ВАШУ
ПОДПИСКУ НА
"НАШУ СТРАНУ"
НА 2024 ГОД**